

Часть третья. БЛИЖНИЙ ВОСТОК И НЕСТАБИЛЬНОСТЬ В МИР-СИСТЕМЕ

Глава 6. Революционная волна 2013– 2014 гг. на Ближнем Востоке и в мире: количественный анализ

Турбулентность, означающая, по нашему мнению, начало глобального процесса реконфигурации Мир-Системы (см.: Гринин 2012а; Grinin, Korotayev 2013; 2014а; подробнее см. *Главу 7*), с начала 2010-х гг. проявила себя отнюдь не только на Ближнем Востоке. В 2013–2014 гг. мир столкнулся с новой и при этом достаточно своеобразной революционной и протестной волной в различных регионах мира. Волна протестов в Каире, Киеве и Бангкоке привела к падению режимов (в первом и третьем случае – при прямом участии военных), а в Тунисе, Каракасе, Стамбуле/Анкаре и Сараево предъявила серьезный вызов соответствующим режимам, но не привела к их свержению¹. Есть ли что-либо общее между этими волнами дестабилизации, произошедшими хоть и синхронно в столь далеких на первый взгляд (и географически, и цивилизационно) странах, как, скажем, Венесуэла, Украина и Таиланд? Как выясняется, есть. И неожиданно много.

Интересную попытку поиска данного общего знаменателя предпринял известный американский социолог Дж. Голдстоун. Он проанализировал четыре случая волн дестабилизации 2013 – начала 2014 г. (в Таиланде, Украине, Боснии и Венесуэле) и обратил внимание на следующие общие характеристики, наблюдающиеся во всех этих случаях.

¹ Наиболее близко к свержению режима, на наш взгляд, подошли в 2013 г. тунисцы. Однако от революции Тунис во многом спасло то обстоятельство, что тунисская протестная волна развивалась вслед за египетской: в результате лидеры как умеренно исламистского тунисского режима, так и секулярристской оппозиции смогли увидеть трагические последствия египетской «революции 30 июня» (или военного переворота 3 июля) еще до того, как волна в Тунисе достигла критической точки (о событиях в Египте см. *Главы 1 и 2*). В результате лидеры обеих сторон пришли к выводу, что полномасштабная новая волна революционной дестабилизации вполне может привести к значительному ухудшению ситуации, и приняли мудрое решение пойти на компромисс (см. также о событиях в Тунисе *Главу 7*).

Первое. «Все четыре – это “среднеразвитые” страны, не относящиеся ни к самым богатым, ни к самым бедным обществам. Согласно Международному валютному фонду, они ранжируются среди всех стран мира по своему ВВП на душу населения (по паритетам покупательной способности) в промежутке от 71-го места для Венесуэлы до 106-го места для Украины, притом что Таиланд занимает 92-е место, а Босния – 99-е. Другими словами, среди 187 стран мира, для которых МВФ дает информацию по душевому ВВП, рассматриваемые нами государства находятся в точности посередине. Все эти страны подошли к такой точке в траектории своего развития, когда большинство их населения грамотное, оно ожидает, что правительство обеспечит ему эффективную экономику, работу и нормально функционирующие общественные службы. Однако граждане этих стран совсем не чувствуют себя в экономической безопасности и недовольны своим уровнем жизни. Эта безопасность и лучшее будущее для них и их детей в очень высокой степени зависит от того, будет ли руководство этих государств работать над обеспечением больших возможностей и прогресса для их стран или же будет заниматься собственным обогащением и защитой себя и своих приближенных. Они находятся как раз в такой точке, когда ограничение коррупции и рост подотчетности властей являются критически важными для решения вопроса о том, сможет ли та или иная страна продолжить догонять богатые государства или скатится обратно к жизненным стандартам бедных стран» [Goldstone 2014a].

Второе. «Все четыре страны проиндексированы организацией *Freedom House* как “частично свободные”» [*Ibid.*]. Это обстоятельство представляется очень важным, так как оно показывает, что во всех случаях мы имеем дело с неконсолидированными демократиями, политическими системами, переходными между последовательным авторитаризмом и консолидированной демократией, между тем как Дж. Голдстоун и его коллегами было уже достаточно давно с научной четкостью показано, что социально-политической дестабилизации в особо высокой степени подвержены именно политические режимы, переходные между последовательным авторитаризмом и консолидированной демократией [Goldstone *et al.* 2003; 2010]. С этим, кстати, связано одно важное обстоятельство. Как мы могли видеть выше, Дж. Голдстоун связывает высокий уровень

риска дестабилизации в среднеразвитых странах, затронутых революционной волной 2013 – начала 2014 г., с низким качеством работы государственной администрации в этих странах. Однако к проблеме неконсолидированных демократий прибавляются непрофессионализм администрации, а также преобладание граждан, которые еще не интернализировали демократические ценности в необходимом объеме и в результате считают нормальным не ждать следующих выборов для устранения от власти неугодного правителя, а немедленно предпринимать революционные действия, направленные на его свержение [см.: Труевцев 2011; Цирель 2012а; 2012б; Малков и др. 2013; см. также *Главу 2*].

Третье. «Не должно вызывать удивления, что эти четыре страны характеризуются как высоко коррумпированные: согласно *Transparency International*, Таиланд занимает 102-е, Украина – 144-е, а Венесуэла – 160-е место по уровню восприятия коррупции. В 2012 г. *Transparency International* охарактеризовал Боснию как несколько менее коррумпированную страну, поставив ее на 72-е место; но в прошлом году уровень воспринимаемой коррупции для этой страны резко вырос, и одной из основных претензий протестующих здесь было то, что проведенная боснийским правительством в прошлом году приватизация государственного имущества представляла собой спектакль самой откровенной коррупции» [Goldstone 2014а].

Отметим, что все сказанное выше в полной степени относится и к трем случаям революционной волны 2013–2014 гг., которые Дж. Голдстоун не рассматривал, – в Египте, Турции и Тунисе.

Во-первых, подобно Таиланду, Украине, Боснии и Венесуэле, Тунис, Египет и Турция относятся к среднеразвитым странам [IMF 2013]; во-вторых, они были отнесены *Freedom House* на момент начала в них протестной волны к категории «частично свободные» [Freedom House 2013]; в-третьих, они (Турция с некоторыми оговорками) характеризуются высоким уровнем коррупции [Transparency International 2013].

Отметим, что со второй характеристикой всех семи стран рассматриваемой революционной волны тесно связан еще один общий знаменатель, разительно отличающий волну 2013–2014 гг. от волны 2011 г. (Арабской весны). Как мы уже отмечали в *Главе 1*, практически все попытки (иногда успешные) свержения режимов во

время Арабской весны были направлены против авторитарных властей, а в немногочисленных неконсолидированных арабских демократиях (Ливане, Палестинской автономии и Ираке) массового скопления народа, вышедшего на улицу под лозунгом *аш-Ша'б йурид искат ан-низам!* («Народ хочет падения режима!»), особо не наблюдалось [Коротаев, Исаев, Шишкина 2013].

Дестабилизационная волна 2013–2014 гг. представляет разительный контраст с событиями Арабской весны, так как все антирежимные выступления здесь были направлены против демократически избранных властей.

Еще одним контрастом можно считать факт, что в случае второй волны влияние Запада на ход событий было существенно сильнее, чем на начальной фазе первой волны 2010–2011 гг. При этом если события 2013 г. в Тунисе и Египте в основном определялись внутренними причинами, были естественным продолжением революционных событий Арабской весны, то события в Таиланде, Украине, Боснии, Венесуэле и Турции в большей или меньшей степени вдохновлялись влиянием США и других западных стран. И это в определенной мере объясняет, почему выступления в 2013–2014 гг. шли против законно избранных правителей и протестующие не могли ждать следующих выборов. Для инспираторов таких выступлений промедление было равносильно поражению.

Вместе с тем нельзя не отметить определенной логической связи между двумя этими волнами. Действительно, первая волна обрушила заметную часть из имевшихся на тот момент в мире неустойчивых авторитарных режимов, оставив на их месте в ряде случаев неустойчивые неконсолидированные демократии и добавив «горючего материала» к новой дестабилизационной волне, прокатившейся уже по неконсолидированным демократиям.

Ко всем вышеназванным общим характеристикам проанализированных выше событий революционной волны 2013–2014 гг. мы добавим еще одну – все они относятся к типу «центрального коллапса». Дело в том, что Дж. Голдстоун вслед за С. Хантингтоном [Huntington 1968; Хантингтон 2004] выделяет два основных типа революционной дестабилизации.

Во-первых, «наступление с периферии» (*peripheral advance*). Этот тип революционной дестабилизации был подробно описан нами в *Главе 4*. Как мы видели, сценарий «наступления с перифе-

рии» вполне описывает хуситскую революцию 2014 – начала 2015 г.², но явно не подходит для описания революционной волны 2013 – первой половины 2014 г.

Однако ко всем этим семи случаям революционной дестабилизации самое прямое отношение имеет второй тип – «центральный коллапс» (*central collapse*). В соответствии с Голдстоуном, центральный коллапс «может быть запущен быстрым экономическим спадом, скачком цен, военным поражением, выборными фальсификациями или какими-то действиями правительства, встречающими массовое сопротивление³. Каков бы ни был начальный импульс, за ним быстро следует массовая демонстрация в столичном городе. Правительство пытается разогнать митингующих, но сделать это оказывается неожиданно сложно; за первыми попытками разгона следуют все более масштабные демонстрации. Полицейские силы оказываются неспособными справиться с городскими беспорядками, и правительство сталкивается с такой ситуацией, когда для их подавления оно вынуждено привлечь армию. Однако армия отказывается от решительных действий по очистке улиц от протестующих; ключевые воинские части занимают нейтральную позицию, а некоторые даже переходят на сторону оппозиции. Бездействие армии служит сигналом правителю, элитам и населению о том, что режим реально беззащитен. Толпы захватывают столицу; похожие массовые демонстрации распространяются по другим городам и областям страны. Все это развивается на протяжении немногих недель (максимум нескольких месяцев). Правитель после этого может бежать из страны или попасть в плен, в то время как элиты, поддерживаемые толпами народа или военными, захватывают правительственные здания и создают временное правительство» [Goldstone 2014b: 27]. Все это, как легко заметить, совпадает с описанием сценариев революционной дестабилизации 2013 – начала 2014 г.⁴ Далее в этой главе мы будем рассматривать только тип

² Под данный тип социально-политической дестабилизации вполне подпадают генезис и диффузия ИГИЛ в Сирии и Ираке, а также возобновившаяся в мае 2014 г. гражданская война в Ливии [см. Главы 3, 4 и 5, а также: Исаев, Коротаев 2015].

³ При этом предполагается, что к моменту появления подобного дестабилизирующего импульса соответствующий режим уже являлся внутренне неустойчивым.

⁴ Хотя в случае волны 2013 – начала 2014 г. события прошли все фазы данного сценария только на Украине (и с некоторыми оговорками – в Египте), а в большинстве других случаев остановились на достаточно ранних стадиях сценария «центрального коллапса».

«центрального коллапса», вынося сценарий «наступления с периферии» за скобки (тем более что такой сценарий рассмотрен в *Главах 3–5*).

Отметим, что соображения Дж. Голдстоуна вполне можно представить в качестве формальной «политометрической модели». Собственно говоря, их можно оформить в виде следующей поддающейся формальной эмпирической количественной проверке гипотезы. В 2013–2014 гг. сильным предиктором социально-политической дестабилизации по сценарию «центрального коллапса» является сочетание среднего уровня ВВП на душу населения с высоким уровнем коррупции и политическим режимом, промежуточным между последовательным авторитаризмом и консолидированной демократией. Данная гипотеза может быть операционализована следующим образом: «В 2013–2014 гг. среди стран с ВВП, равным или более высоким, чем в Египте, и/или равным или более низким, чем в Венесуэле, а также с уровнем коррупции, равным или более высоким, чем в Боснии, в странах, проиндексированных *Freedom House* как “частично свободные”, следует ожидать революционной дестабилизации по модели “центрального коллапса” со значимо более высокой частотой, чем в странах, индексированных *Freedom House* либо как “свободные”, либо как “несвободные”»⁵. Далее проведем формальный тест данной гипотезы (см. Табл. 6.1).

⁵ Отметим, что отсюда несколько «выпадает» Турция, которая занимает более высокое место, чем Венесуэла, по ВВП на душу населения, и где уровень коррупции (согласно *Transparency International*) несколько ниже, чем в Боснии. Однако, как мы увидим, включение или невключение Турции в нашу выборку очень слабо влияет на конечный результат, поэтому ниже мы просто приведем результаты анализа как с учетом, так и без учета Турции.

Таблица 6.1. Неконсолидированная демократия как предиктор уровня социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса» в высоко коррумпированных среднеразвитых странах в 2013–2014 гг.

		Индекс уровня социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса»				Итого
		0	0,25	0,5	1	
Индекс Freedom House (дихотомизированный)	0 (иные значения ≈ последовательно авторитарные и консолидировано демократические режимы)	12 Алжир, Азербайджан, КНР, Сальвадор, Гайана, Иран, Ямайка, Сербия, ЮАР, Суринам, Тонга, Туркменистан	3 Бразилия, Ирак, Перу			15
		80 %	20 %			100 %
	1 (partly free ≈ неконсолидированные / частичные демократии)	5 Албания, Доминиканская Республика, Эквадор, Мальдивы, Парагвай	2 Колумбия, Ливия	4 Босния, Тунис, Турция, Венесуэла	3 Египет, Таиланд, Украина	14
		35,7 %	14,3 %	28,6 %	21,4 %	100 %
Итого		17	5	3	3	29
		60,7 %	17,9 %	10,7 %	10,7 %	100 %

Примечание. Значения индекса уровня социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса»: 1,0 – насильственное свержение правительства при наличии массовой революционной мобилизации населения столиц по модели «центрального коллапса»; 0,5 – попытка насильственного свержения правительства при наличии массовой революционной мобилизации населения столиц по модели «центрального коллапса»; 0 – отсутствие насильственного свержения правительства по модели «центрального коллапса» или попыток такого свержения; 0,25 – ситуация, промежуточная между 0 и 0,5. Проанализирован только самый последний по времени (на момент проведения данного исследования) срез

глобального политического процесса – страны рассматриваются на отрезке между последними выборами (если они прошли не позднее 15 марта 2014 г.) и 15 июня 2014 г.; $\rho = 0,53$, $\alpha = 0,003$ (с Турцией); $\rho = 0,50$, $\alpha = 0,007$ (без Турции).

В целом, как мы видим, для последних лет наличие неконсолидированного демократического режима оказывается достаточно неплохим предиктором социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса» (см. Рис. 6.1 и 6.2).

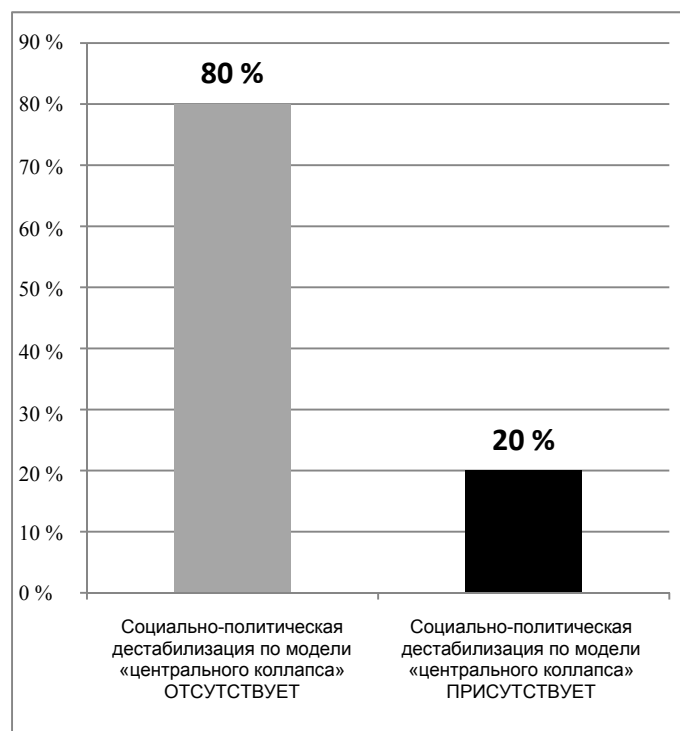

Рис. 6.1. Риски социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса» в 2013–2014 гг. в высококоррупцированных среднеразвитых странах с *последовательно авторитарными или консолидированно демократическими режимами*

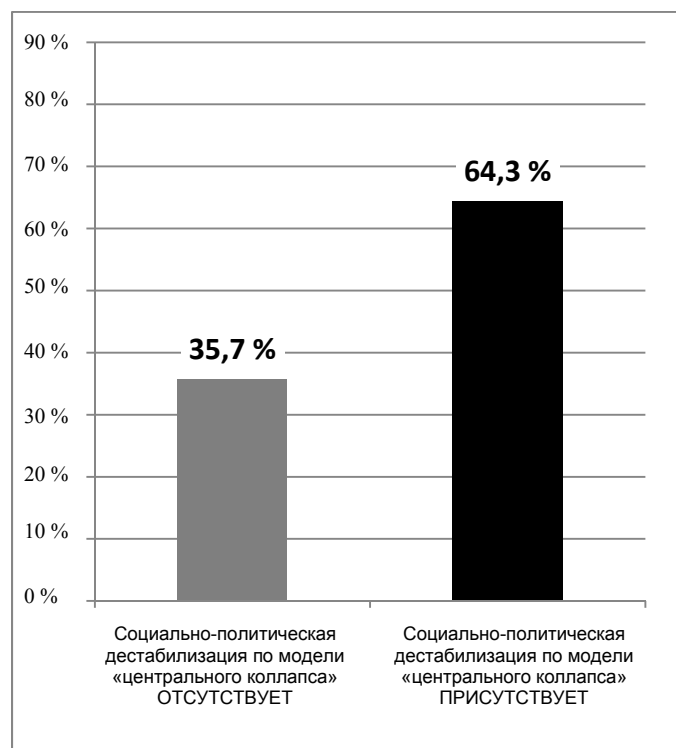

Рис. 6.2. Риски социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса» в 2013–2014 гг. в высоко коррумпированных среднеразвитых странах с режимом *частичной демократии*

Как мы видим, в современных высоко коррумпированных среднеразвитых обществах и последовательный авторитаризм, и консолидированная демократия выступают мощными ингибиторами социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса». Действительно, в последнее время подобного рода дестабилизация наблюдалась лишь в небольшом меньшинстве высоко коррумпированных среднеразвитых обществ, имеющих рейтинг *Freedom House*, отличный от «частично свободные» (при этом во всех случаях речь шла о самой минимальной дестабилизации). В то же время социально-политическая дестабилизация по модели «центрального коллапса» наблюдалась в абсолютном большинстве высоко коррумпированных среднеразвитых обществ, имеющих рейтинг «partly free». При этом

в большинстве случаев речь шла о достаточно масштабной дестабилизации – вплоть до падения режимов.

Стоит отметить, что для Табл. 6.1 корреляция между двумя переменными все же не очень высока (с коэффициентом ранговой корреляции Спирмена на уровне между 0,50 и 0,53). К тому же выясняется, что для дестабилизационной волны 2013–2014 гг. можно найти и еще один общий знаменатель, о котором будет сказано далее.

Как подчеркивалось в *Главе 2*, модернизационные процессы⁶ в сколько-нибудь крупных странах идут неравномерно в разных их частях. При этом в столицах они обычно идут быстрее, чем на периферии, в результате настроение столичного населения закономерно может существенно отличаться от настроения периферии. Предельно упрощая, в столицах модернизирующихся систем обычно преобладают более «либеральные»/«вестернизированные» (в исламских странах – более «секуляристские») настроения, а на периферии – более «консервативные»/менее «вестернизированные» (в исламских странах – более «исламистские»).

В подобной ситуации, как уже отмечалось в *Главе 2*, установление демократии в такого рода странах систематически ведет к тому, что в результате демократических выборов к власти приходит партия, пользующаяся поддержкой большинства населения страны, но не жителей столиц.

Одним из самых характерных примеров XIX в. в этом плане может служить история Франции 1848–1871 гг. В 1848 г. парижане свергают французскую монархию и 10 декабря того же года во Франции проходят первые в ее истории прямые президентские выборы⁷. К удивлению парижских либералов, на выборах победил Шарль Луи Наполеон Бонапарт. Затем всефранцузский референдум 21 декабря 1851 г. увеличивает срок его президентских полномочий с 4 до 10 лет. А еще один всефранцузский референдум (21 ноября 1852 г.) санкционирует превращение Франции из республики в империю, открывая демократическим путем дорогу к провозглашению 2 декабря 1852 г. Шарля Луи Наполеона Бонапарта Императором Франции Наполеоном III.

3–4 сентября 1870 г. парижане снова свергают французскую монархию и провозглашают республику еще раз. На последовав-

⁶ Что в современном мире в высокой степени коррелирует с процессами вестернизации [Хантингтон 2003; Поляков 1997].

⁷ Интересно, что следующие *прямые* выборы президента во Франции, кстати, прошли только в 1965 г. До этого президент избирался выборщиками.

ших 8 февраля 1871 г. выборах в первую Национальную ассамблею Третьей республики в Париже побеждают республиканцы. Однако в целом по Франции большинство мест в новом парламенте получают консервативные монархические партии [Lejeune 1994: 8–11], что послужило одним из факторов начала парижского восстания, известного у нас как Парижская коммуна.

Имеются основания утверждать, что подобный фактор центр-периферийного диссонанса сыграл важную роль и в генерировании дестабилизационной волны 2013–2014 гг., ввиду чего подробнее рассмотрим события, произошедшие в семи анализируемых нами странах – Тунисе, Египте, Турции, Боснии и Герцеговине, Таиланде, Венесуэле и Украине.

В Таиланде правившая до событий 2014 г. партия «Пхья Тхай» («Для Таиланда») на всеобщих выборах 2011 г. имела поддержку почти половины избирателей, что позволило ей получить 265 мест в парламенте из 500. Ее главный соперник, Демократическая партия, получила 35 % голосов, проведя в парламент только 159 своих депутатов. Однако в Бангкоке «Пхья Тхай» получила только 30 % голосов, значительно меньше Демократической партии; в результате от Бангкока в парламент вошли 23 представителя Демократической партии и только 10 – от «Пхья Тхай» [Elections 2011]. При этом оппозиция одержала победу почти во всех округах центрального Бангкока. То, что большинство жителей тайской столицы поддерживает оппозицию, а не правящую партию, убедительно продемонстрировали и губернаторские выборы 2013 г. в Бангкоке, на которых уверенную победу одержал представитель именно оппозиционной Демократической партии – Сукхумбханд Парибатра, заменивший на посту главы Бангкока Понгсапата Понгчароена [Bangkok Metropolitan... 2013]. Именно Бангкок стал эпицентром начавшейся в ноябре 2013 г. протестной волны, завершившейся в 2014 г. смещением правящего режима военными.

В октябре 2011 г. в Тунисе на выборах в Учредительное собрание достаточно уверенную победу одержала умеренная исламистская партия «Ан-Нахда» («Возрождение»), которая значительно опередила своих основных секуляристских соперников, набрав 37 % голосов. Однако в столице она получила лишь 29,9 % голосов, что является одним из самых низких результатов по стране. Именно в городе Тунисе наблюдались главные события начавшейся в феврале 2013 г. протестной волны, направленной против исламистов и по-

ставившей под серьезную угрозу существование правящего умеренно исламистского режима [см.: Исаев 2013б; Долгов 2014].

В Венесуэле на президентских выборах 2013 г. преемник Уго Чавеса лидер Единой социалистической партии Николас Мадуро в целом по стране набрал больше половины голосов. Однако в Каракасе в принципиально значимых центральных районах за Мадуро проголосовало меньшинство избирателей, большинство же поддержало его соперника – лидера Круглого стола демократического единства Энрике Каприлеса [Consejo Nacional Electoral 2013]. Именно эти районы Каракаса стали важнейшей базой начавшейся в январе – феврале 2014 г. протестной волны.

В Турции в 2011 г. правящая Партия справедливости и развития во главе с Реджепом Тайипом Эрдоганом одержала вполне убедительную победу на парламентских выборах как в целом по стране, так и в Стамбуле. Однако опрос, проведенный исследовательским центром *Pew Research* в марте 2013 г., то есть за два месяца до начала мощной протестной волны на Таксимае, показал, что хотя в целом по стране почти две трети турок поддерживало Эрдогана, в Стамбуле он пользовался поддержкой лишь меньшинства его обитателей [Fisher 2013]⁸.

Ситуацию в Боснии и Герцеговине анализировать особенно трудно из-за чрезвычайно сложной административной системы этой страны. Главой государства здесь является не отдельный человек, а коллективный орган – Президиум, включающий в себя представителей трех основных народов страны – хорватов, сербов и боснийцев-мусульман. С другой стороны, страна делится на хорватско-боснийскую Федерацию Боснии и Герцеговины, Республику Сербскую и де-факто контролируемый последней Округ Брчко [Политические системы... 2009]. Наиболее масштабные протесты 2014 г. в Боснии наблюдались в ее столице Сараево, но затронули они прежде всего хорватско-мусульманскую Федерацию Боснии и Герцеговины (при этом 73 % ее населения составляют именно мусульмане). На этом фоне примечательно, что лидер боснийской общины Бакир Изетбегович получил на предыдущих президентских выборах боль-

⁸ Интересно, что муниципальные выборы 30 марта 2014 г. показали, что партия Эрдогана снова пользуется поддержкой большинства жителей Стамбула, причем уровень этой поддержки оказался даже выше, чем в 2011 г., что, по-видимому, отражает усталость многих стамбульцев от таксимовских эксцессов. Парадоксальным образом таксимовские беспорядки привели не к падению, а к восстановлению популярности Эрдогана в Стамбуле во многом из-за занятой им последовательной жесткой позиции по отношению к попыткам псевдodemократического свержения демократически избранных властей.

шинство голосов мусульман (боснийцев) в целом по стране, и лишь откровенное меньшинство – в столице [Centralna Izborna... 2010].

В Египте на конституционном референдуме 2012 г. «Братья-мусульмане» (*ал-Ихван ал-муслимун*) в целом по стране смогли добиться одобрения продвигаемой ими конституции вполне уверенным (почти две трети) большинством голосов – 63,8 %. Однако в Каире конституцию «Братьев» поддержало лишь меньшинство принявших участие в референдуме – 43,2 % [Истифта Миср 2012]. Через полгода после этого именно Каир стал эпицентром волны протестов, завершившихся 3 июля 2013 г. смещением военными администрации «Братьев-мусульман» во главе с президентом Мурси при массовой поддержке жителей Каира [см.: Васильев, Виницкий 2013; Исаев 2014а]. При этом проведенный нами математический анализ результатов президентских выборов в мае 2014 г. показал, что, скажем, в Среднем Египте «Братьев-мусульман» на тот момент поддерживало абсолютное большинство его обитателей [Коротаев, Исаев 2014б].

Сходная ситуация наблюдалась и на Украине. Во втором туре президентских выборов 2010 г. Янукович вышел на первое место, набрав 48,95 % голосов [Центральна виборча... 2010]. Однако в Киеве он получил почти в два раза меньше голосов. На парламентских выборах 2012 г. Партия регионов получила значительно больше голосов, чем любая другая партия, – около 30 %. Но те же самые выборы показали, что в Киеве партию власти поддерживало лишь незначительное меньшинство (12,6 %) столичных жителей [Центральна виборча... 2012]. Как мы хорошо помним, именно Киев в ноябре 2013 г. стал эпицентром волны протестов, завершившихся в феврале 2014 г. свержением администрации президента Януковича. На особенности революционных событий 2013–2014 гг. обратил внимание С. В. Цирель: «Революционные события (не обязательно революции) в странах среднего уровня благосостояния и политического развития происходят чаще всего при следующих условиях.

Форма правления, при которой происходят революционные события, – имитационная демократия (или анократия) в диапазоне от сильно коррумпированной демократии до мягкого авторитаризма с элементами выборной системы. В жестко авторитарных странах чаще либо нет никаких событий, либо, наоборот, беспорядки имеют больший размах – гражданские/религиозные войны (Ливия, Сирия) или теократическая революция (Иран, 1979 г.).

Центр конфликта – это противоречие между глобалистским/антиглобалистским и/или либеральным/социалистическим меньшинством столичных жителей, живущим в XXI в., и большинством, живущим в XX–XIX–XVIII и еще более ранних веках. Конфликт принимает открытые формы, когда большинство просыпается от векового сна и обретает свое мнение. Тогда правительство, имитирующее демократию (и в общем-то не только имитирующее), перестает подстраиваться только под горожан и начинает лавировать, ища баланс интересов. Или подстраивается под большинство, или наиболее активную его часть, или старается подкупить и удержать непроснувшуюся часть большинства, или угождает всем сразу, прикрывая свое воровство, и т. д.

Рассерженные таким поведением правительства горожане долго терпят, но потом переходят к открытым формам выражения недовольства. Дальнейшее в первую очередь зависит от степени единства остальной части населения. Если в нем нет явных расколов (Турция) и/или современные горожане не находят контактов ни с одной частью большинства (Россия, отчасти – “окупаи” в разных странах), то протест затухает. Если же народ расколот и рассерженные горожане объединяются с близкими силами (Венесуэла, Таиланд), достаточно далекими (Тунис) или совсем далекими (Египет, 1-я фаза), начинаются революционные события. При этом количество жертв и длительность революционного беспорядка возрастают при увеличении в населении доли молодежи, столичных студентов и особенно молодых безработных.

В рамках этих представлений центральный пункт украинских революционных событий – это объединение либералов (социал-демократов, анархистов и др.) с западенскими националистами, достаточно далекой политической силой по методам политической борьбы и общему мировоззрению, на почве общего отторжения советского прошлого и его постсоветских инкарнаций. В этом киевские либералы и западники полностью едины с западенскими националистами, в том числе самыми радикальными. Второй общий пункт – это построение национального государства» [Цирель 2014; 2015].

Таким образом, можно выделить еще один предиктор социально-политической дестабилизации для высоко коррумпированных среднеразвитых обществ – то, что мы назвали «центр-периферийным диссонансом». В целом тезис о центр-периферийном диссонансе можно оформить в виде следующей подающейся фор-

мальной эмпирической количественной проверке гипотезы. В 2013–2014 гг. сильным предиктором социально-политической дестабилизации по сценарию «центрального коллапса» являлось сочетание среднего уровня ВВП на душу населения с высоким уровнем коррупции и заметным уровнем центр-периферийного диссонанса. Данная гипотеза может быть далее операционализирована следующим образом: «В 2013–2014 гг. среди стран с ВВП, равным или более высоким, чем в Египте, и/или равным или более низким, чем в Венесуэле, а также с уровнем коррупции равным или более высоким, чем в Боснии и Герцеговине, в странах с более высоким значением индекса центр-периферийного диссонанса следует ожидать революционной дестабилизации по модели “центрального коллапса” со значимо более высокой частотой, чем в странах с более низким значением этого индекса».

Для тестирования этой гипотезы был использован следующий индекс центр-периферийного диссонанса (ИЦПД):

1 – уровень поддержки режима в центре («столицах») существенно ниже, чем в целом по стране;

0,5 – промежуточное значение;

0 – уровень поддержки режима в центре («столицах») такой же или выше, чем в целом по стране.

Из рассмотренных выше семи случаев значение «1» было присвоено Таиланду, Украине, Боснии и Герцеговине, Тунису и Египту, а Венесуэле и Турции присвоено значение «0,5». Значение «0,5» присвоено нами и Бразилии последних лет, так как на последних (перед революционной волной 2013–2014 гг.) президентских выборах 2010 г. лидер бразильской партии власти Дилма Русеф получила большинство и в целом по стране, и в двух из трех бразильских «столиц» – Бразилиа и Рио-де-Жанейро, но в третьей «столице» – крупнейшем городе страны Сан-Паулу – она получила меньшинство голосов [Tribunal Superior... 2010]⁹.

Проведем теперь формальный тест сформулированной гипотезы (см. Табл. 6.2).

⁹ В связи с этим, возможно, и не случайно, что важнейшим центром начавшихся в 2013 г. бразильских протестов оказался именно Сан-Паулу.

Таблица 6.2. Центр-периферийный диссонанс как предиктор уровня социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса» в высоко коррумпированных среднеразвитых странах в 2013–2014 гг.

		Индекс уровня социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса»				Итого
		0	0,25	0,5	1	
ИЦДД: Индекс центр- периферий- ного диссо- нанса	0 (уровень поддержки режима в центре [«столицах»] такой же или выше, чем в целом по стране)	13 Албания, Доминиканская Республика, Парагвай, Алжир, Азербайджан, КНР, Сальвадор, Гайана, Иран, Сербия, Суринам, Тонга, Туркменистан	2 Ливия, Ирак			15
		86,7 %	13,3 %			100 %
	0,5 (промежуточное значение)	2 Ямайка, ЮАР	1 Бразилия	2 Турция		5
		40 %	20 %	40 %		100 %
	1 (уровень поддержки режима в центре [«столицах»] существенно ниже, чем в целом по стране)	1 Эквадор	2 Колумбия	2 Босния, Тунис	3 Египет, Таиланд, Украина	8
		12,5 %	25 %	25 %	37,5 %	100 %
Итого		16	5	4	3	28
		57,1 %	17,9 %	14,3 %	10,7 %	100 %

Примечание: $\rho = 0,722$, $\alpha = 0,00001$ (с Турцией); $\rho = 0,721$, $\alpha = 0,00002$ (без Турции).

Как мы видим, для последних лет наличие центр-периферийного диссонанса оказывается даже заметно более сильным предиктором

социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса», чем наличие неконсолидированного демократического режима. Так, коэффициент корреляции (0,72) для центр-периферийного диссонанса оказывается заметно выше, чем для неконсолидированной демократии (0,50–0,53). Это достаточно ясно прослеживается и при использовании дихотомизированных вариантов индексов (см. Рис. 6.3 и 6.4).

Напомним, что в 2013 – первой половине 2014 г. присутствие неконсолидированной демократии в высоко коррумпированных среднеразвитых странах являлось индикатором 64%-ного риска социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса». А вот при наличии центр-периферийного диссонанса речь шла уже о риске, превышающем 87 %.

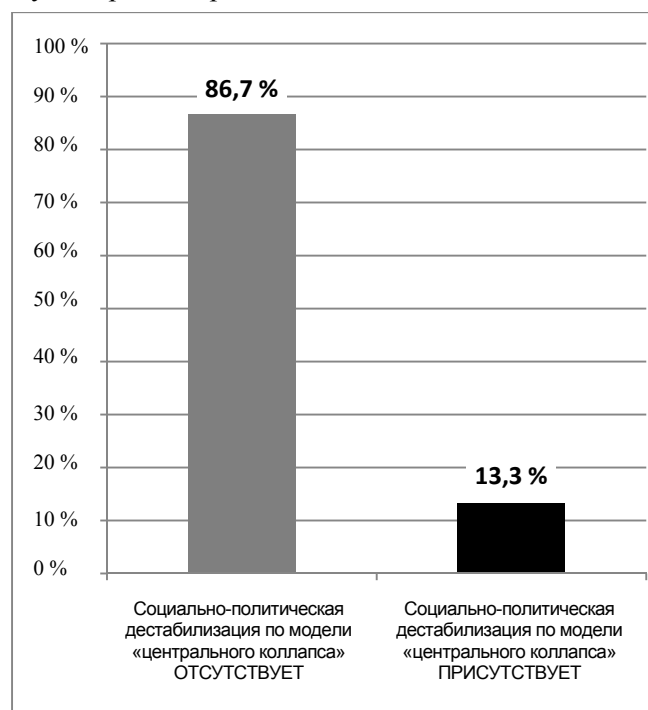

Рис. 6.3. Риски социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса» в 2013–2014 гг. в высоко коррумпированных среднеразвитых странах с *отсутствием* центр-периферийного диссонанса

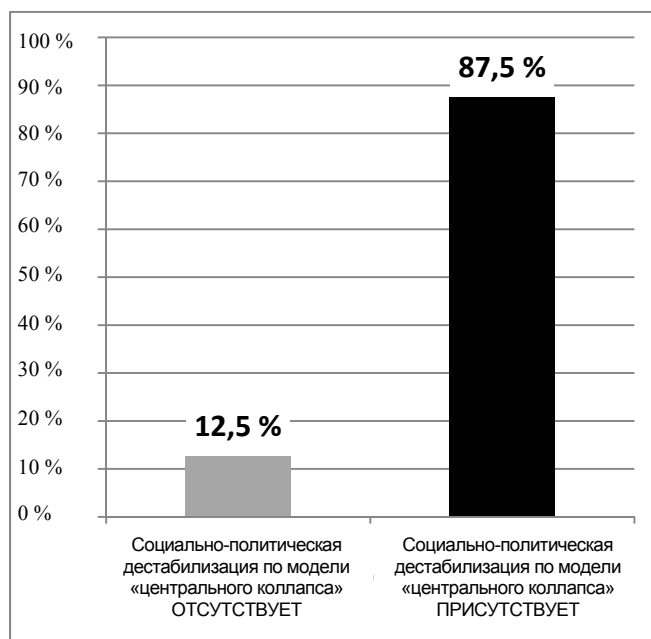

Рис. 6.4. Риски социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса» в 2013–2014 гг. в высоко коррумпированных среднеразвитых странах с *наличием* центр-периферийного диссонанса

Таким образом, нам удалось выявить еще один (и при этом очень сильный) фактор дестабилизационной волны по модели «центрального коллапса» 2013–2014 гг. Речь идет о факторе, обозначенном нами как «центр-периферийный диссонанс». Подчеркнем еще раз, что появление этого фактора совсем не случайно, а скорее даже неизбежно в процессе модернизации и связано с закономерной неоднородностью и асинхронностью модернизационных процессов, когда центральные элементы («столицы») системы практически всегда модернизируются быстрее, чем ее периферия.

Выявление этого фактора представляет значительный интерес и потому, что учет данного фактора должен существенно улучшить качество прогнозирования рисков социально-политической дестабилизации модернизирующихся социальных систем. При этом важно подчеркнуть, что мы ни в коем случае не отрицаем значимости типа политического режима как важнейшего предиктора дестабилизации модернизирующихся социально-политических систем.

Мы согласны, что для неконсолидированных демократий характерен значительно бóльший риск дестабилизации, нежели для последовательно авторитарных режимов и консолидированных демократий. Мы предлагаем учитывать фактор центр-периферийного диссонанса не вместо фактора типа политического режима, а в дополнение к нему. Наибольшим прогностическим эффектом должна обладать методика, учитывающая действие всех рассмотренных выше факторов: и уровня экономического развития, и уровня коррупции, и типа политического режима, и центр-периферийного диссонанса¹⁰.

При этом стоит подчеркнуть, что потенциально дестабилизирующая роль этого фактора может быть очень сильна и опасна. Действительно, события последних лет показали, что этот фактор способен дестабилизировать общество и в условиях завершения демографического перехода, когда исчезает такой традиционно важный фактор политической дестабилизации, как «молодежный бугор» [см. *Главу 1*, см. также: Коротаев, Зинькина 2011а; Коротаев и др. 2010; 2011; 2012]. При этом имеются определенные основания утверждать, что центр-периферийный диссонанс может быть фактором не только относительно бескровных «центральных коллапсов», но и достаточно кровавых гражданских войн. Действительно, если центральный коллапс происходит под действием центр-периферийного диссонанса, это практически по определению означает, что как минимум значительная часть политически активного населения периферии (если даже не его большинство) считает силы, захватившие с применением насилия власть в столице, нелегитимными, а себя – вправе применить насилие для свержения этих сил. Здесь, чтобы не уходить очень далеко, обратим внимание на то, что центр-периферийный диссонанс сыграл определенную роль и в генерировании полномасштабной гражданской войны в России

¹⁰ Мы не можем продемонстрировать это здесь при помощи простых парных корреляций из-за достаточно высокой скоррелированности центр-периферийного диссонанса и неконсолидированных демократий в данных 2013–2014 гг. Однако проведенный нами мультиномиальный логистический регрессионный анализ приведенных выше данных [см.: Korotayev, Issaev, Zinkina 2015] однозначно показывает, что совместный учет факторов центр-периферийного диссонанса и типа политического режима имеет заметно больший предиктивный потенциал, чем учет их по отдельности. Действительно, для среднеразвитых высоко коррумпированных стран парная номинальная регрессия с социально-политической дестабилизацией по модели «центрального коллапса» в качестве зависимой переменной дала достаточно высокую силу связи (оцененную через псевдо R-квадрат Нагелькерке) и для типа режима (0,400), и для центр-периферийного диссонанса (0,580). Однако при объединении их в единую полиномиальную логистическую регрессионную модель детерминация вырастает до уровня 0,726, притом что статистически значимым оказывается и фактор типа политического режима ($\alpha = 0,030$), и фактор центр-периферийного диссонанса ($\alpha = 0,016$).

в 1917–1918 гг. Действительно, в ноябре 1917 г. на выборах во Всероссийское учредительное собрание достаточно убедительную победу одержала Партия социалистов-революционеров (эсеров), получившая более 40 % голосов и 347 мест в Учредительном собрании, то есть почти в два раза больше, чем следующая по популярности партия – ленинская РСДРП(б), получившая 24 % голосов и только 168 мест в Учредительном собрании [Знаменский 1976].

Однако в российских столицах большевики получили не просто больше голосов, чем эсеры, – они получили даже заметно больше голосов, чем эсеры в целом по стране. Так, в Петрограде за большевиков проголосовали 45 %, а за эсеров – только 17 %. В Москве большевики получили еще бóльшую долю голосов – 48 %. И факт поддержки большевиков (и левых эсеров) большинством населения столиц не мог не оказать влияния на принятое ими в январе 1918 г. трагическое решение насильственно ликвидировать наиболее легитимный орган власти провозглашенной Учредительным собранием 6 (19) января того же года Российской Демократической Федеративной Республики, открывшее дорогу полномасштабной гражданской войне.

Мы не видим, почему этот фактор не будет продолжать играть свою дестабилизирующую роль и в обозримом будущем. В ближайшие годы его дестабилизирующий потенциал может даже заметно возрасти в связи с последними прецедентами фактического международного признания режимов, появившихся в результате свержения демократически избранных правителей. В итоге любителям майданов всех континентов фактически послан сигнал: «Если вам не люб ваш правитель, даже если он победил на последних демократических выборах, нет смысла ждать следующих выборов. Выходите на майдан и свергайте его, а мировое сообщество ваше свержение признает»...

* * *

В заключение отметим, что общие черты анализируемых в настоящей главе протестных движений заключались не только в их структурных и процессных сходствах, не только в схожем уровне развитости и характеристик режимов, но и в том, что все они являются частью общего процесса турбулентности, означающего начало реконфигурации Мир-Системы. К этому же ряду (хотя причины их существенно иные), видимо, могут быть отнесены и протестные движения в Венгрии и Македонии, Молдове и Армении в 2015 г., целый ряд расовых волнений в США в 2014–2015 гг. и начавшиеся протесты в ряде стран Европы против наплыва мигрантов из стран Азии и Африки.